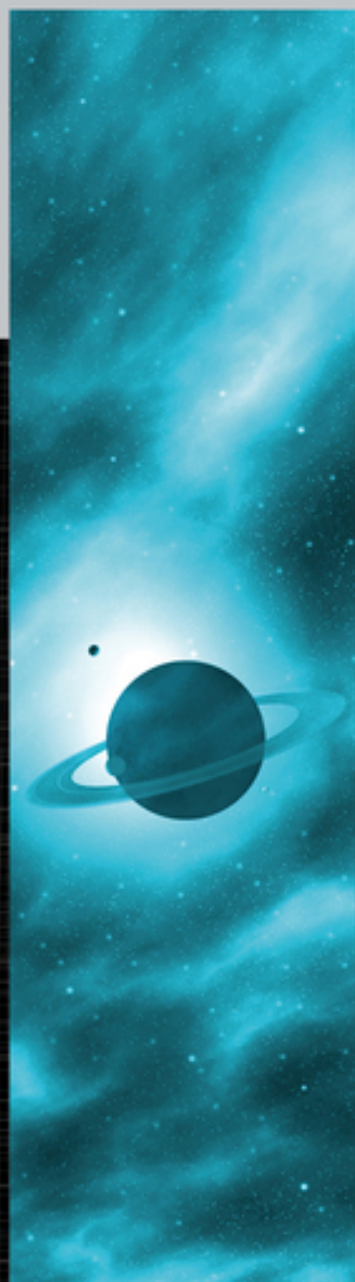

The Best of Sci-Fi Classics

2001:
Космическая
Одиссея

Артур
Кларк

The Best of Sci-Fi Classics

Артур Кларк

2001. Космическая Одиссея

«ФТМ»

«ЭКСМО»

1968

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кларк А. Ч.

2001. Космическая Одиссея / А. Ч. Кларк — «ФТМ»,
«Эксмо», 1968 — (The Best of Sci-Fi Classics)

ISBN 978-5-699-92311-3

В 1999 году на Луне был найден некий объект, посылающий мощный сигнал в космос. Ученым удалось выяснить, что сигнал направлен в сторону Япета, одного из спутников Сатурна. Именно туда через пару лет отправляется межпланетный корабль «Дискавери»... «2001: Космическая Одиссея» — культовый НФ-роман, опередивший свое время!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-92311-3

© Кларк А. Ч., 1968
© ФТМ, 1968
© Эксмо, 1968

Содержание

Отложенное будущее	6
2001: Космическая Одиссея	9
Часть I. В первобытной мгле	9
Глава 1. Вымирающие	9
Глава 2. Новый камень	11
Глава 3. Академия	14
Глава 4. Леопард	17
Глава 5. Встреча на рассвете	20
Глава 6. Появление человека	21
Часть II. ЛМА-1	23
Глава 7. Специальный рейс	23
Глава 8. Встреча на орбите	26
Глава 9. Лунный шаттл	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Артур Кларк

2001: Космическая Одиссея

Arthur C. Clarke: 2001: A SPACE ODYSSEY

Copyright © Arthur C. Clarke and Polaris Productions, Inc., 1968.

© Я. Берлин, Н. Галь, перевод на русский язык, 2016

© А. Рух, вступительная статья, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Отложенное будущее

Какая-то особенная грусть возникает при чтении старой фантастики – той, из романтических шестидесятых, полных надежд от скорых космических прорывов и ужаса возможной ядерной катастрофы. Что ж, надежды остались надеждами – но ведь и ужасы не сбылись. А всё же до чего обидно встречать в книгах той поры уже минувшие даты – 1999, 2000, 2001... – и чувствовать странную неловкость перед теми, кто верил. В полёты к звёздам, в пассажирские рейсы к иным планетам, во множество обитаемых баз по всей Солнечной системе – во всё то, что так и осталось фантазией.

Впрочем, для большинства авторов той поры пресловутый «двухтысячный год» был некой абстрактной датой, порождённой магией круглых чисел, – что-то из той же оперы, что и обещание построить к этому сроку коммунизм, сделанное на самом высоком государственном уровне в Советском Союзе. Но ведь верилось же! Казалось, ещё немного усилий – и то самое светлое будущее, которое каждый представлял себе по-разному, в зависимости от воспитания и фантазии, обязательно наступит.

И мало кто описал ближайшее будущее человечества столь же привлекательно, как сэр Артур Чарльз Кларк. А говоря о «будущем по Кларку», мы неизбежно говорим о мире «Космической Одиссеи».

Всё же есть величайшая несправедливость в том, что на обложке, возможно, величайшего из научно-фантастических романов в истории не стоит ещё и имя Стенли Кубрика. А ведь вклад гениального кинорежиссёра невозможно переоценить: даже оригинальное название – «2001: A Space Odyssey» – было придумано именно Кубриком. Однако, обо всём по порядку.

История «Космической Одиссеи» началась в 1964 году, когда Кубрик всерьёз задумался о создании фильма на модном в ту пору научно-фантастическом материале. Не считая себя достаточно компетентным в вопросе, он принял решение подыскать себе соавтора – кого-нибудь из современных ему писателей, пишущих о космических полётах и внеземной жизни. Так получилось, что выбор режиссёра пал на Артура Кларка, к тому времени уже безусловного авторитета и корифея. Тот отнёсся к предложению с «ужасной заинтересованностью» и немедленно прислал несколько своих рассказов, из которых один – «Часовой»¹ – показался Кубрику многообещающим. Это была история о найденном на Луне таинственном артефакте, создать который не могли ни природа, ни люди, зримом и осязаемом доказательстве существования иного разума. Именно от этого лунного артефакта из раннего рассказа Кларка и ведут свою родословную загадочные Монолиты, вокруг которых строится сюжетная канва «Одиссеи».

Совместная работа над сценарием будущего фильма заняла у Кларка и Кубрика более двух лет. Для всевозможнейших консультаций была привлечена масса специалистов, включая такого выдающегося учёного и популяризатора науки, как Карл Саган. Кроме того, для завязки повествования был использован ещё один ранний рассказ Кларка – «Встреча на заре истории», сюжетом которого стал момент инспирации человеческой цивилизации представителями иного разума. Впоследствии он ляжет в основу первой части романа – «В первобытной мгле».

Параллельно со сценарием и на его основе Кларк работал и над литературной версией – фактически новеллизацией «Космической Одиссеи», – так что роман вышел непосредственно сразу после премьеры. Эта парадоксальность – первичность кинематографической основы перед собственно литературной составляющей – вполне ощутима в тексте, несмотря

¹ Другой вариант перевода на русский язык – «Страж».

на все различия. Пожалуй, остаётся лишь пожалеть, что возможности кинематографа во времена Кубрика были не столь безграничны по части создания всевозможнейших спецэффектов, чтобы воплотить на экране все находки авторов – например, пролёт Дэвида Боумена сквозь Монолит на Япете и его последующие приключения в Дальнем космосе. Между прочим, следующий роман серии – «2010: Одиссея два» – фактически является продолжением не книги, а именно фильма. Кажется, уникальный случай в истории литературы.

Основная фабула «Космической Одиссеи» – влияние на судьбу человечества некой сверхцивилизации², деятельность которой во время оно и привела к его возникновению. Любопытно, что этот мотив в 50-60-е годы стал довольно распространён в научной фантастике всего мира, достаточно вспомнить братьев Стругацких, примерно в те же годы придумавших своих Странников, или Андре Нортон с её Предтечами.

В реальности, описанной Кларком (а вернее, Кларком и Кубриком), роль Первородных отнюдь не исчерпывается работами по форсированию разума примитивных гоминидов, ведь земное человечество – лишь переходная стадия к неким сущностям высшего порядка, извлеченным от материальной оболочки. У тех же Стругацких впоследствии этим следующим эволюционным этапом станут людены («Волны гасят ветер»). У Кларка же единственным персонажем, прошедшим путь от человека до Дитя Звёзд, оказывается капитан Боумен.

Фактически, Первородные, не вмешиваясь в развитие человечества, тем не менее направляют его эволюцию, разместив свои Монолиты на ключевых позициях той траектории, которая завершается запуском механизма лавинообразных преобразований. Любопытно, что все четыре пройденных в «Космической Одиссее» Монолита функционально различны. Первый, размещённый в Африке, форсировал развитие одной из триб человекообразных во главе со Смотрящим на Луну, дав им зачатки разума и навыки владения простейшими инструментами. Второй, лунный, стал доказательством существования инопланетного разума и указал направление дальнейшего поиска. Третий, на спутнике Сатурна Япете, оказался вратами в иной мир. И, наконец, четвёртый Монолит в загадочном Отеле, сокрытом в недрах звезды, произвёл трансформацию человека в сверхсущество.

Не менее любопытно и то, что время, необходимое для достижения следующего Монолита, стремительно сокращается: если между появлением африканского и находкой лунного Монолитов прошло более двух миллионов лет, то на подготовку к полёту «Дискавери» и его путь на Япет ушло всего два года. Наконец, приключения Боумена между проходом сквозь Монолит Япета и финальной метаморфозой заняли примерно сутки. Блестящая иллюстрация тезиса об ускорении прогресса и грядущей сингулярности!

Говоря о «Космической Одиссее», нельзя не упомянуть и центральный конфликт романа: противостояние человека и компьютера, ЭАЛ-9000 и Дэвида Боумена. Это одно из первых в фантастике описаний борьбы человека с враждебным искусственным интеллектом, пресловутый «бунт машины» (при этом, разумеется, идея такого конфликта появляется уже в «R.U.R.» Чапека вместе с самим понятием «робот»).

Между прочим, хотя «три закона робототехники» Азимова, сформулированные за четверть века до создания «Одиссеи», не были использованы при проектировании ЭАЛ-9000, описанная Кларком коллизия во многом напоминает азимовский же рассказ «Лжец!» из сборника «Я, робот», пусть и вывернутый наизнанку. В обоих случаях речь идёт о незадокументированной способности машины ко лжи. Но если у Азимова ложь робота РБ-34 является прямым следствием исполнения Первого закона, не допускающего причинения людям вреда, то основным приоритетом ЭАЛ-9000 остаётся сохранение тайны миссии «Дискавери», ради которой он готов не только лгать, но и убивать. Кроме того, искусственный

² В романе «3001: Последняя Одиссея» у неё появляется имя: Первородные (Firstborns), хотя чаще используется название «Создатели Монолитов».

интеллект Кларка обладает широким спектром эмоций, включая и страх смерти. Его монолог, полный отчаяния перед грядущим небытием, во время которого Боумен производит уничтожение личности компьютера, по силе драматизма куда превосходит сцены гибели четырёх астронавтов.

Отдельно стоит упомянуть, что Кларк – не только выдающийся фантаст, но и незаурядный учёный и футуролог. Геостационарную орбиту, на которой вращаются все спутники связи, недаром называют «орбитой Кларка», ведь такой вариант их размещения впервые был предложен им ещё в 1945 году, когда писателю было всего двадцать восемь лет. По количеству сбывшихся предсказаний Кларк, пожалуй, самый результативный среди коллег по цеху: ведь его прогнозы опирались не только на фантазию, но и на глубокое понимание современной ему науки.

А уж «Космическая Одиссея» – просто кладёз сбывшихся пророчеств. Да, постоянные лунные базы не были созданы ни к 2001, ни к 2016 году, так и оставшись дорогостоящими и малоцелесообразными проектами. Да, космические отели по-прежнему существуют лишь на бумаге. Да, состояние анабиоза по-прежнему фантастика, как и требующие его использования многомесячные перелёты за пояс астероидов – хочется верить, что лишь пока.

Однако именно Кларк в «Космической Одиссее» предположил возникновение ряда вещей, сегодня ставших неотъемлемой частью нашей жизни, – от электронных «читалок» до смартфонов. Показательно, что во время нашумевшего судебного процесса 2011 года между Apple и Samsung последняя апеллировала именно к фильму Кубрика и роману Кларка, доказывая, что идея устройства, аналогичного планшетному компьютеру, была выдвинута задолго до появления соответствующей продукции американской фирмы. Не зря один из персонажей романа, профессор Хейвуд Флойд, был уверен, что «невозможно представить себе систему, более совершенную и удобную», чем его «newspad».

Помимо разнообразных гаджетов, в романе сделан и ряд сугубо научных прогнозов – например, о бомбардировке небесных тел с целью изучения их состава или возврат на Землю первой ступени космического аппарата для её повторного использования. Нынче это уже стало реальностью.

Ну и последнее, хотя и не менее важное. В созданном в самый разгар холодной войны романе американские и советские («русские») учёные активно сотрудничают во внеземном пространстве, в то время как политики с обеих сторон океана продолжают толкать мир к катастрофе. Ведь помимо всего прочего, несмотря на всю привлекательность описываемого будущего, о котором говорилось вначале, «Космическая Одиссея» – ещё и антивоенная книга, в последних строках которой обретший всемогущество Боумен уничтожает орбитальные ядерные арсеналы, уже готовые опуститься на беззащитную Землю.

Очень бы хотелось, чтобы вот это, конкретное предсказание не сбылось: вдруг да не окажется над нами Звёздного ребёнка, исполненного желания всех спасти?

Аркадий Рух

2001: Космическая Одиссея

Часть I. В первобытной мгле

Глава 1. Вымирающие

Засуха продолжалась десять миллионов лет, и царству ужасных ящеров уже давно пришел конец. Здесь, близ экватора, на материке, который позднее назовут Африкой, с новой яростью вспыхнула борьба за существование, и еще не ясно было, кто выйдет из нее победителем. На этой бесплодной, иссушенной зноем земле благоденствовать или хотя бы просто выжить могли только маленькие, или ловкие, или свирепые.

Питекантропы, обитавшие в первобытном вельде, не обладали ни одним из этих свойств; поэтому они отнюдь не благоденствовали, а были, напротив, весьма близки к полному вымиранию. Около полусотни этих существ ютилось в нескольких пещерах на склоне сожженной солнцем долины; по дну ее протекал слабенький ручеек, питаемый снегами с гор, лежавших в трехстах километрах к северу. В особо засушливые годы ручеек исчезал совсем и племя сильно страдало от жажды.

Питекантропы всегда голодали, а сейчас попросту умирали от голода. Когда первый слабый проблеск рассвета проник в пещеру, Смотрящий на Луну увидел, что его отец ночью умер. Собственно, он не знал, что Старик был его отцом, – такая связь одного существа с другим была совершенно недоступна его пониманию, но, глядя на иссохшее тело умершего, он ощутил смутное беспокойство – зародыш будущей человеческой скорби.

Два детеныша уже скулили, требуя еды, но смолкли, когда Смотрящий на Луну заворчал на них. Одна из матерей сердито огрызнулась в ответ, защищая дитя, которое не могла накормить вдосталь, но у Смотрящего не хватило сил дать самке подзатыльник за ее дерзость.

Снаружи уже почти совсем рассвело, и можно было выходить. Смотрящий на Луну подхватил иссохший труп и поволок за собой, пригибаясь, чтобы не задеть за скалу, низко нависшую над входом в пещеру. Выйдя из пещеры, он закинул труп на плечи и выпрямился во весь рост, стоя на задних конечностях, – из всех животных на этой планете только он и его сородичи умели так ходить.

Среди подобных себе Смотрящий на Луну казался чуть ли не великаном. Ростом он был почти полтора метра, а весил более сорока пяти килограммов, хотя и был сильно истощен. Его волосатое, мускулистое тело было наполовину обезьяньим, наполовину человеческим, но формой головы он уже больше походил на человека. Лоб у него был низкий, крутые надбровные дуги резко выступали, но гены его уже несомненно несли в себе первые признаки человеческого облика. Он стоял у пещеры, оглядывая раскинувшийся вокруг враждебный мир плейстоцена, и в его взгляде уже было нечто такое, на что не была способна ни одна обезьяна. В этих темных, глубоко посаженных глазах мерцало пробуждающееся сознание – первые ростки разума, который не раскроется до конца еще многие века, а может быть, вскоре и вовсе угаснет навсегда.

Признаков опасности не было, и Смотрящий на Луну начал спускаться по крутому, почти отвесному склону от пещеры; ноша на плечах ничуть не мешала ему. Остальные члены стаи, словно ожидавшие сигнала вожака, миглом повылезали из своих пещер, расположенных ниже по склону, и заторопились вниз, к мутным водам ручья, на утренный водопой.

Смотрящий на Луну глянул на противоположный берег ручья – не видно ли Других. Но те не показывались. Наверно, еще не вышли из своих пещер, а может, уже пасутся внизу, под горой... Поскольку их нигде не было видно, Смотрящий тут же забыл о них – он не умел думать о нескольких вещах сразу.

Прежде всего надо избавиться от Старика. Этим летом было много смертей, в том числе одна в его пещере. Ему нужно было только положить тело там, где он недавно оставил трупик новорожденного младенца, остальное сделают гиены.

Они уже ждали его там, где долина расширялась, сливаясь с саванной, будто знали, что он придет. Он положил тело Старика под куст – от прежних не осталось даже костей – и поспешил назад, к своей стае. Никогда более он не вспоминал об отце.

Две его самки, взрослые обитатели других пещер, подростки и дети паслись выше по долине меж узловатых, изуродованных засухой деревьев, поедая ягоды, сочные корни и листья и редкие счастливые находки вроде мелких ящериц и грызунов. Только грудные младенцы и слабейшие из стариков и старух оставались в пещерах; если к концу дня, после того как все наедались, удавалось собрать еще немного пищи, можно было покормить и их. Если нет – гиенам вскоре предстояло новое пиршество.

Но этот день был удачным. Впрочем, Смотрящий на Луну не был способен сколько-нибудь отчетливо помнить о прошлом и потому не мог сравнивать один день с другим. Сегодня он нашел в дупле засохшего дерева пчелиное гнездо и наслаждался изысканнейшим лакомством, какое только было известно его сородичам; под вечер, ведя свою стаю домой, он все еще время от времени облизывал пальцы. Правда, его порядком покусали пчелы, но он почти не ощущал укусов. Короче, он был, как никогда, близок к состоянию полного довольства, насколько оно вообще было для него доступно; он, конечно, еще был голоден, но уже не испытывал слабости. На большее не мог надеяться ни один питекантроп.

Ощущение довольства исчезло, когда он подошел к ручью. На противоположном берегу были Другие. Они бывали там каждый день, но от этого его досада отнюдь не становилась меньше.

Их было около тридцати, и они ничем не отличались от сородичей Смотрящего. Завидев его, они начали на своем берегу подпрыгивать, махать руками и кричать. Стая Смотрящего на Луну отвечала тем же с другого берега.

На том все и закончилось. Питекантропы часто дрались и боролись, но драки их редко приводили к серьезным увечьям. У них не было ни когтей, ни могучих боевых клыков, а тело надежно защищал волосяной покров, поэтому они просто не могли причинить друг другу особого вреда. К тому же у них не было и лишней энергии для столь бесполезных выходов. Рычанием и угрозами можно было куда успешнее утвердить свою точку зрения.

Перебранка продолжалась минут пять, а затем оборвалась так же внезапно, как началась, и все принялись пить мутную от глины воду. Честь была удовлетворена, каждая стая утвердила право на владение своей территорией. Покончив с этим важным делом, Смотрящий на Луну и его сородичи отправились дальше, вдоль своего берега. До ближайшего пастбища, где еще можно было кормиться, от пещер было километра два. Здесь же паслись крупные рогатые животные, встретившие их не особенно благосклонно. Прогнать этих животных, увы, было нельзя – на головах у них торчали устрашающие рога-кинжалы, питекантропы же таким природным оружием не обладали.

И вот Смотрящий на Луну со своей стаей жевали ягоды, корни и листья, подавляя голодные спазмы в желудках, а вокруг, тесня их с этих пастбищ, разгуливали животные – возможный источник пищи, который им никогда не исчерпать. Но тысячи тонн сочного мяса, гуляющие по саванне и в зарослях, были не только недосыгаемы для питекантропов – такую возможность они просто вообразить не могли. И посреди этого изобилия медленно умирали от истощения.

К закату стая без особых приключений вернулась в свои пещеры. Раненая самка, оставшаяся дома, радостно заворковала, когда Смотрящий кинул ей густо покрытую ягодами ветку, которую принес с собой, и принялась жадно есть. Как ни малопитательны эти ягоды, они все же помогут ей продержаться, пока заживет рана, нанесенная леопардом, и она сможет снова сама добывать себе пищу.

За долиной всходила полная луна, с дальних гор потянул леденящий ветер. Ночь сегодня будет очень холодной. Впрочем, холод, как и голод, мало заботил питекантропов – другой жизни они никогда и не знали.

От одной из нижних пещер донеслись вопли и визг, но Смотрящий на Луну даже не шевельнулся; он отлично понял, что там происходит, даже если бы не услышал рычания леопарда. Там, внизу, в ночной тьме, борются и гибнут старик Белоголовый и его семья. У Смотрящего даже не мелькнуло мысли, что он может как-либо помочь соседям. Жестокая логика борьбы за существование не допускала подобных фантазий, и обитатели косогора, хоть все слышали, ни единым возгласом не выразили протеста против убийства сородичей. Все затаились в своих пещерах, чтобы не навлечь беду на себя.

Наконец вопли стихли, и тут Смотрящий на Луну услышал знакомые звуки – это леопард волок чье-то тело по камням. Через несколько секунд смолкли и эти звуки – леопард покрепче ухватил свою добычу зубами и, без труда неся ее в пасти, бесшумно удалился.

Теперь на день-другой эта угроза отодвинулась от обитателей пещер, но при свете холодного маленького солнца, которое появлялось на небе только ночами, на них могли напасть и другие враги. Правда, мелких хищников иногда удавалось отогнать криками и визгом, если их приближение замечали вовремя... Смотрящий на Луну выполз из пещеры, взобрался на обломок скалы, лежащий у входа, и, присев на корточки, стал осматривать долину.

Из всех живых существ, обитавших на Земле, питекантропы первыми поднимали головы к небу и начали разглядывать луну. Смотрящий на Луну, когда он был совсем молод, иногда пробовал дотянуться до этого призрачного лика, всплывающего над равниной. Он давно об этом забыл.

Дотронуться до луны ему не удалось ни разу. Теперь, уже в зрелом возрасте, он хорошо понимал, почему у него ничего не выходило. Конечно же, для этого надо сначала найти достаточно высокое дерево и влезть на него.

Он то оглядывал долину, то смотрел на луну, не переставая прислушиваться. Раза два он засыпал, но сон его был настолько чуток, что даже слабейший звук мгновенно будил его. Он прожил уже двадцать пять лет – солидный возраст! – но был еще в расцвете сил. Если ему и дальше повезет и он сумеет избежать несчастных случаев – болезней, зубов хищников и голодной смерти, – то, пожалуй, проживет еще с десятков лет.

Ночь, холодная и ясная, текла спокойно, без тревог, луна медленно плыла по небу среди экваториальных созвездий, которых никогда не увидит глаз человека. В пещерах, в чередовании минут беспокойной дремоты и боязливого бодрствования, рождались смутные образы – потом, грядущим поколениям они будут являться в ночных кошмарах.

Дважды в эту ночь небосвод пересекла, медленно поднимаясь к зениту и исчезая на востоке, ослепительно светящаяся точка, которая сверкала ярче любой звезды.

Глава 2. Новый камень

Незадолго до рассвета Смотрящий на Луну внезапно проснулся. Он очень устал от дневных трудов и бед и спал крепче обычного, но все же при первом слабом шорохе, донесшемся снизу, из долины, мгновенно пробудился.

Он присел в зловонной мгле пещеры, всем своим существом вслушиваясь в ночной мир, лежащий снаружи, и в сердце его медленно заполз страх. Ни разу в жизни – а про-

жил он уже вдвое дольше, чем большинство его сородичей, – он не слышал такого звука. Большие кошки подкрадывались бесшумно, только случайный шорох скатившегося из-под лапы комочка земли да треск ветки изредка их выдавали. Это же был непрерывный хруст, который становился все громче. Словно какой-то огромный зверь шел там внизу, в ночи, не таясь и ломая все препятствия. Однажды Смотрящий безошибочно угадал по звуку, что в долине вырывают с корнем кустарник. Так часто делали слоны и динотерии, но вообще-то они передвигались так же бесшумно, как и кошки.

А потом раздался звук, который Смотрящий на Луну распознать не мог – по той причине, что прозвучал он впервые в истории Земли. Это был лязг металла о камень.

Впервые Смотрящий на Луну увидел Новый Камень в слабом свете нарождающегося дня, когда повел свою стаю на утренний водопой. Он почти забыл о всех ночных страхах – ведь после того необычайного звука ничего не случилось, – и потому новый странный предмет не вызвал у него ни страха, ни ощущения опасности. Да в нем и не было ничего страшного.

Это была прямоугольная глыба раза в три выше Смотрящего, но узкая настолько, что, разведя руки, он мог коснуться ее краев, и состояла она из какого-то совершенно прозрачного вещества. Собственно говоря, ее не так-то просто было и увидеть, если бы восходящее солнце не отражалось в ее гранях. Смотрящий на Луну никогда не видел ни льда, ни даже чистой, прозрачной воды, и ему не с чем было сравнить этот предмет. Но он был, право же, красив, и, хотя Смотрящий благоразумно остерегался всего нового, он без долгих колебаний приблизился бочком к Новому Камню. Убедившись, что с ним ничего не случилось, он протянул руку и ощутил холодную твердую поверхность.

Несколько минут он напряженно размышлял и нашел блестящее объяснение. Конечно же, это камень; наверно, он вырос здесь за ночь. На Земле многое так появляется. Например, белые мягкие штуки, с виду похожие на речные гольши, тоже выскакивают из земли за время темноты. Правда, те штуки круглые и маленькие, а этот камень большой и граненый... Но ведь философы, более мудрые, чем Смотрящий на Луну, и пришедшие в мир позднее его, также готовы пренебречь фактами, не менее разительно противоречащими их теориям.

Применив эту поистине первоклассную методику абстрактного мышления, Смотрящий на Луну за какие-нибудь три-четыре минуты пришел к определенному выводу и немедленно подверг его проверке. Белые круглые мягкие «гольши» очень вкусны (правда, от некоторых можно сильно заболеть). Может быть, и этот, большой, тоже?..

Он несколько раз лизнул камень, попытался куснуть его и быстро разочаровался. Еды тут не было никакой – и Смотрящий, как и подобало рассудительному питекантропу, продолжил свой путь к реке и, занявшись очередной перебранкой с Другими, начисто позабыл о кристаллическом монолите.

На ближних пастбищах в этот день есть было совсем нечего, и, чтобы немного подкормиться, стае пришлось уйти километров за шесть-восемь от пещер. В час беспощадного полуденного зноя, от которого негде было укрыться, одна из самок послабее упала в обморок. Остальные окружили ее, постояли, сочувственно бормоча и щебеча, но помочь ей никто не мог. Будь они менее истощены, они, пожалуй, унесли бы ее с собой, но у них просто не было избытка энергии для таких добрых дел. Волей-неволей ее оставили одну – пусть сама попробует выжить, если сумеет.

Когда вечером, на обратном пути, они прошли мимо этого места, там не осталось даже костей.

При слабом свете гаснущего дня, боязливо озираясь, чтобы не пасть жертвой хищников, рано вышедших на охоту, они торопливо напились воды из ручья и начали подниматься к своим пещерам. До Нового Камня было еще довольно далеко, когда до них донесся звук.

Звук этот был едва слышен, но он мгновенно остановил питекантропов, и они неподвижно замерли на тропе, словно парализованные, безвольно разинув рты. Этот нехитрый, бесконечно, до одури повторяющийся вибрирующий звук исходил из кристалла и гипнотизировал всех, кто его слышал. В первый и на ближайшие три миллиона лет последний раз в Африке звучал барабанный бой.

Дробь становилась все громче, все настойчивей. Питекантропы начали оцепенело, словно лунатики, продвигаться вперед, притягиваемые источником этого звука. Порой они делали примитивные танцевальные движения – это кровь их откликалась на ритмы, которые их потомкам предстояло создать многие века спустя. Совершенно зачарованные, они сгруппировались вокруг монолита, позабыв о всех лишениях прошедшего дня, об опасностях надвигающейся ночи, о голоде, терзающем их желудки.

Все громче звучал барабан, все больше сгущались сумерки. И когда тени стали совсем длинными и небо померкло, кристалл засветился.

Сначала он утратил прозрачность, помутнел, и его глубина наполнилась млечным сиянием. Неясные, дразняще неузнаваемые призраки возникли и начали скользить в его глубине и под самой его поверхностью. Они слились в светлые и темные полосы; переплетаясь и пересекаясь между собой, эти полосы начали вращаться, словно спицы волшебных колес.

Быстрее и быстрее вращались эти светящиеся колеса, и ритм барабанного боя становился все чаще. Питекантропы, окончательно загипнотизированные, разинув рты, устали на невиданную игру света в кристалле. Они уже начисто позабыли веления инстинктов, унаследованных от предков, и уроки своего жизненного опыта. При обычных обстоятельствах никто из них не осмелился бы задержаться так далеко от своей пещеры в столь позднее время – ведь в окружающих зарослях недвижно замерли темные силуэты и светились глаза ночных хищников, которые приостановили охоту, выжидая, чем все это кончится.

Но вот вращающиеся световые колеса начали смыкаться друг с другом, спицы их слились в полосы света, которые медленно отступали в глубину, затем полосы раскололись пополам, образовав пары светящихся линий. Дрожа и колеблясь, эти пары наклонялись и пересекались друг с другом под различными медленно изменяющимися углами. Светящиеся сетки линий сплетались и расплетались, и из них складывались и тут же исчезали фантастические, эфемерные чертежи. А зачарованные пленники светящегося кристалла, питекантропы, все глядели и глядели...

Им и в голову не приходило, что в эти мгновения неведомая сила исследует их умственные способности, определяет формы и размеры их тел, изучает психические реакции, оценивает их скрытые возможности. Некоторое время все они сидели на корточках, застыв словно окаменевшие. Вдруг один питекантроп, сидевший ближе других к кристаллу, зашевелился.

Он не сдвинулся с места, просто его тело освободилось от гипнотического оцепенения, и он задвигался, словно марионетка, управляемая невидимыми нитями. Голова его повернулась направо, потом налево; он молча открыл и закрыл рот, сжал и разжал кулаки. Затем наклонился, схватил длинный стебель и попытался плохо повинующимися пальцами рук завязать его в узел.

Казалось, он одержим какой-то внешней силой и тщетно борется против духа или демона, что завладел его телом. Задышавшись, с выражением ужаса в глазах, он пытался заставить свои пальцы выполнить такие движения, каких ранее не мог и представить.

Как он ни старался, ему удалось всего лишь разорвать стебель на несколько частей. И едва только частички стебля упали на землю, властвовавшая над ним сила оставила его и он вновь застыл в тугой неподвижности.

Теперь ожил и проделал те же движения другой питекантроп. Этот был моложе, легче приспособлялся, и ему удалось сделать то, что оказалось не под силу старшему. На планете Земля был завязан первый неуклюжий узел...

Другие проделали еще более странные, еще более бесполезные движения. Одни протягивали руки вперед и пытались сблизить их так, чтобы концы пальцев соприкоснулись, — сначала они делали это с открытыми глазами, затем зажав один глаз. Некоторых непонятная сила заставляла разглядывать странные фигуры из пересекающихся линий, мелькающих внутри кристалла; линии непрестанно делились, их становилось все больше, пока они не слились в сплошную серую рябь. А в ушах у всех звучали одни и те же чистые одногласные звуки; начинаясь на высокой ноте, они быстро понижались и обрывались на нижнем пределе слышимости.

Когда подошла очередь Смотрящего на Луну, он почти не испугался. Ощущая, как его мышцы сокращаются и тело движется, повинаясь приказам, исходящим откуда-то извне, он испытывал в основном смутное чувство злой досады.

Сам не понимая зачем, он наклонился и подобрал небольшой камень. Распрямившись, он увидел, что рисунок внутри кристалла изменился. Сетки и переменчивые, пляшущие геометрические фигуры исчезли, вместо них появился черный диск, опоясанный несколькими концентрическими кругами.

Повинуясь безмолвным приказам, полученным его мозгом, он неуклюже размахнулся и бросил камень. И промахнулся более чем на метр.

Попробуй еще раз — прозвучал приказ в мозгу. Смотрящий поискал вокруг и нашел еще один камешек. На этот раз он попал в монолит, который откликнулся звоном, гулким, точно удар колокола. В цель он, конечно, не попал, но все же показал лучшую меткость.

При четвертой попытке камень ударил всего в нескольких сантиметрах от черной сердцевины мишени. Смотрящий ощутил необыкновенное наслаждение, почти такое же острое, как при сближении с самкой. Потом власть внешней силы ушла; ему ничего не хотелось делать, он просто стоял и ждал, что будет дальше.

Так все в стае, один за другим, испытали на себе воздействие странного кристалла. Некоторые справились со своими задачами, но большинство потерпело неудачу, и все были по заслугам вознаграждены: одни содрогнулись от наслаждения, другие — от боли.

Теперь внутренность огромного монолита только светилась ровным сиянием; он стоял будто глыба света, врезанная в окружающую тьму. Словно пробудившись ото сна, питекантропы трянули головами и зашагали по тропе к своему жилью. Они шли, не оглядываясь назад, не дивясь странному светочу, который указывал им путь к их убежищам — и к будущему, пока еще не известному даже звездам.

Глава 3. Академия

Смотрящий на Луну и его сородичи совершенно позабыли все, что видели, как только монолит перестал властвовать над их сознанием и проделывать опыты с их телами. На следующее утро, по дороге на пастбище, они прошли мимо, не обратив на него ни малейшего внимания: он уже стал привычной никчемной частью окружающей среды. Он был несъедобен и не мог съесть их, остальное было не важно.

Внизу, у ручья, Другие, как обычно, выкрикивали свои бессильные угрозы. Их вожак, одноухий питекантроп, ровесник Смотрящего на Луну и одного с ним роста, только более тощий, решил даже на небольшую вылазку в направлении неприятельской территории: он шагал, громко крича и размахивая руками, чтобы уstrasшить врага и подбодрить самого себя. Ручей по всей ширине был ему примерно по колено, но чем дальше Одноухий отходил от своего берега, тем неуверенней он себя чувствовал, тем страшнее становилось ему. Очень скоро он замедлил шаг, потом остановился и наконец с напускной важностью зашагал назад, к своим соплеменникам.

В будничном течении жизни питекантропов больше ничего не изменилось. Стая нашла достаточно пищи, чтобы просуществовать еще один день, и никто не умер.

А вечером кристалл снова ожидал их, светясь пульсирующим светом и привлекая тем же звуком. На этот раз, однако, он применил иную, хитроумно измененную, программу.

Некоторых питекантропов кристалл совсем оставил в покое – он как бы сосредоточил все внимание на тех, кто подавал наибольшие надежды. К их числу принадлежал и Смотрящий на Луну: он снова почувствовал, будто какие-то пытливые щупальца шарят по дальним закоулкам его мозга. Затем начались видения.

Возможно, эти видения явились ему внутри кристаллического монолита, а может быть, они рождались в его мозгу. Так или иначе, для Смотрящего на Луну все эти образы были вполне реальны. Только почему-то привычный интуитивный порыв – изгнать чужих из своих владений – оказался совершенно усыпленным.

Он увидел мирную семью, совсем такую же, как семьи его сородичей, если не считать одного существенного отличия. Самец, самка и двое детенышей, загадочно привидевшиеся ему, были сыты по горло, гладкие шкуры их лоснились – подобного благоденствия Смотрящий на Луну не мог даже вообразить. Он невольно пощупал свои торчащие ребра – у тех ребра были скрыты в складках жира. Время от времени эти существа, развалившиеся у входа в пещеру и явно довольные жизнью, лениво поворачивались с боку на бок. Здоровенный самец иногда густо и удовлетворенно рыгал.

Так продолжалось минут пять, а потом видение исчезло, лишь мерцающие контуры кристалла светились в темноте. Смотрящий на Луну встряхнулся, словно пробудившись ото сна, внезапно сообразил, где он находится, и повел свою стаю к пещерам.

У него не осталось сознательного воспоминания об увиденном, но этой ночью, когда он, понуро сгорбившись, сидел у входа в пещеру и чутким ухом ловил шумы окружающего мира, он впервые ощутил пока еще слабую щемящую боль от нового властного чувства. То была смутная неопределенная зависть, какая-то неудовлетворенность жизнью. Он понятия не имел, откуда взялось это чувство, а тем более – как его утолить, но недовольство закралось в его душу, и это было уже первым малым шагом к очеловечиванию.

Ночь за ночью Смотрящему на Луну являлась в видении эта четверка раскормленных питекантропов; под конец он стал как-то злобно любоваться ими, и от этого вечный голод мучил его еще сильнее. Само по себе то, что он видел, не могло бы так повлиять на питекантропа, для этого нужно было еще усилить его способность к восприятию. За последние дни в жизни Смотрящего на Луну были пробелы; об этих периодах он ничего не мог бы вспомнить – именно тогда самые атомы его примитивного мозга перестраивались в новые структуры. Если он выживет, эти структуры будут увековечены – его гены передадут их грядущим поколениям.

Это была медленная, кропотливая работа, но кристаллический монолит был терпелив. Ни он, ни подобные ему монолиты, разбросанные по половине земного шара, не имели своей целью добиться успеха среди всех объектов, охваченных экспериментом. Какое значение могла иметь сотня неудач, если один-единственный успех способен изменить судьбу всей планеты!

До следующего новолуния в стае погибли двое и родился один детеныш. Одна смерть была обычной – от голода, другая случилась во время вечернего ритуала у монолита – один питекантроп, пытаясь тихонько стукнуть одним обломком камня о другой, внезапно упал замертво. Кристалл миг погас, и чары, приковывавшие к нему стаю, исчезли. Но упавший питекантроп не очнулся, а наутро от его тела, конечно, ничего не осталось.

На следующий вечер сбора вокруг кристалла не было – он все еще анализировал свою ошибку. Стая протрусила мимо него в надвигавшихся сумерках, даже не поглядев в его сторону. Но прошли еще сутки, и кристалл был вновь готов к встрече с ними.

Опять появилась четверка упитанных питекантропов, но на сей раз они вели себя престранно. Смотрящего на Луну бросило в дрожь, и он не мог ее унять, ему казалось, что голова его вот-вот лопнет от напряжения, хотелось зажмуриться и ничего не видеть. Но неумолимая сила держала его мозг в своей власти и принудила воспринять урок до конца, хотя все его инстинкты восставали против этого.

Эти инстинкты верно послужили предкам питекантропа в эпоху теплых дождей и буйной растительности, когда пищу можно было найти везде – стоило только протянуть руку. Но времена изменились, и унаследованная мудрость прошлого стала безумием. Питекантропы должны были либо приспособиться, либо погибнуть, как погибли до них огромные звери, чьи кости погребены в глубине известняковых холмов.

И Смотрящий на Луну не сводил с монолита немигающих глаз, а его мозг был открыт для еще неуверенных, но настойчивых манипуляций таинственной внешней силы. Временами его подташнивало, но тошнота проходила, а голод сосал, не отпуская ни на миг, и руки то и дело бессознательно проделывали движения, которые вскоре должны были предопределить его переход к новому образу жизни.

Когда стая бородавочников один за другим, фыркая и хрюкая, пересекала тропу питекантропов, Смотрящий на Луну внезапно застыл на месте. Обычно бородавочники и питекантропы не замечали друг друга, ведь интересы их ни в чем не сталкивались. Как и большинство других животных, не борющихся между собой за одну и ту же пищу, они просто не мешали друг другу.

Но теперь вожак стаи питекантропов глядел на бородавочников и неуверенно переминался с ноги на ногу, раздираемый чувствами, которых сам не мог понять. Потом, словно во сне, наклонился и начал шарить по земле – он не сумел бы объяснить, что ищет, даже если бы обладал даром речи. Он просто узнает, что ему нужно, если найдет.

Он нашел тяжелый заостренный камень длиной в ладонь – держать его в руке было не особенно удобно, но он явно годился. Смотрящий на Луну взмахнул рукой, описал ею круг над головой, удивившись, насколько она потяжелела, и с удовольствием ощутил возросшую силу и власть. Он направился к животному, которое оказалось ближе других.

Это был молодой поросенок, глупый даже по невысоким стандартам свиного разума, уголком глаза он увидел приближающегося питекантропа, но вовремя не поостерегся. Стоит ли подозревать это безобидное существо в каких-то недобрых намерениях? И он продолжал беззаботно подрывать пяточком корни травы, пока Смотрящий на Луну ударом каменного молота не погасил теплившуюся в его мозгу слабую искорку сознания. Остальные свиньи продолжали пастись как ни в чем не бывало – так быстро и беззвучно совершилось убийство.

Вся стая питекантропов остановилась поглазеть, что делает вожак, и теперь столпилась вокруг него и его жертвы, восхищенная и пораженная. Неожиданно один подобрал окровавленный камень и начал колотить им убитого поросенка. Подхватив палки и камни, оказавшиеся под рукой, к нему присоединились другие; вскоре труп животного превратился в кровавое месиво.

Тогда им стало скучно. Некоторые побрели прочь, другие стояли в растерянности вокруг растерзанной до неузнаваемости добычи – от их решения зависело будущее мира. Прошло на удивление много времени, пока одна из кормящих самок не начала лизать сжатый в пальцах окровавленный камень.

А Смотрящему на Луну, хотя ему уже так много было показано, потребовалось еще больше времени, чтобы понять по-настоящему, что отныне ему никогда не придется голодать.

Глава 4. Леопард

Орудия, применение которых было запрограммировано кристаллом, были очень просты, и все же они могли изменить этот мир и сделать питекантропов его властелинами. Простейшее из них – камень, зажатый в руке, – во много раз увеличивало силу удара... Затем следовала костяная палица – она удлиняла руку и помогала защищаться от клыков и когтей свирепых хищников. С таким оружием все пригодные в пищу животные, которыми кишела саванна, были доступны питекантропам.

Но им нужны были и другие вспомогательные орудия, ибо своими зубами и ногтями они могли расчленять лишь мелкую добычу, вроде кроликов. К счастью, Природа приготовила им великолепные инструменты; нужна была лишь смекалка, чтобы найти их и применить.

Во-первых, для них был готов грубый, но очень удобный нож-пила. Модель, созданная Природой, – обыкновенная нижнечелюстная кость антилопы со всеми зубами – отлично прослужит три миллиона лет. Никаких существенных улучшений вплоть до появления стали в нее не внесут. Нашлось и шило, оно же кинжал, – рог газели и, наконец, скребок – нижняя челюсть почти любого мелкого животного.

Камень, дубинка, пила, рог-кинжал, костяной скребок были необходимы питекантропам – без этих замечательных изобретений они бы не выжили. Вскоре питекантропы признали эти орудия символами могущества, какими они и были, но понадобилось время, пока их неловкие руки научились – или захотели – их применить.

Возможно, когда-нибудь они смогли бы и самостоятельно додуматься до потрясающей, блестящей идеи – воспользоваться естественным «вооружением» животных в качестве искусственных орудий. Но природные условия складывались неблагоприятно для них, и даже теперь бесчисленные опасности подстерегали их в веках, простирающихся впереди.

Питекантропам была дарована единственная возможность победить. Другой такой возможности уже не будет. Свою судьбу они, в самом буквальном смысле слова, держали в собственных руках.

Луны всходили и закатывались; дети рождались и иногда выживали; слабые, беззубые тридцатилетние старики умирали; леопард по ночам взимал свою мзду; Другие каждый день грозились из-за ручья... а племя Смотрящего на Луну процветало. За один только год он и его сородичи изменились до неузнаваемости.

Они оказались прилежными учениками: теперь они умели пользоваться всеми орудиями, которые были им показаны. О голоде они уже не думали, и даже воспоминания о нем начали ускользать из их памяти. Бородавочники, правда, стали побаиваться их и к себе не подпускали, но на равнине паслись десятки тысяч газелей, антилоп и зебр. Все эти и многие другие животные становились добычей начинающих охотников.

Теперь, когда питекантропы уже не были постоянно одурманены голодом, у них появилось время для отдыха и даже для мышления, правда, в самой зачаточной форме. Свой новый образ жизни они приняли как нечто должное и никак не связывали его с монолитом, который все еще стоял у тропы, ведущей к ручью. Если бы им довелось когда-либо задуматься о счастливых переменах в их жизни, они, возможно, похвастались бы, что добились этого собственными силами. По правде говоря, они уже позабыли, что можно жить иначе.

Однако безупречных утопий нет, были и у этой два существенных недостатка. Во-первых, мародер-леопард, пристрастие которого к питекантропам как будто даже возросло, когда они стали более упитанными. Во-вторых, стая за рекой: Другие ухитрились каким-то образом выжить и наотрез отказывались помирать с голоду.

Проблема леопарда вскоре разрешилась, отчасти по воле случая, отчасти в результате серьезной, едва ли не роковой ошибки Смотрящего на Луну. Впрочем, в ту минуту идея ему показалась столь блестящей, что он даже заплясал от радости, и вряд ли стоило его упрекать в том, что он не учел всех последствий.

Время от времени у племени еще выпадали черные дни, хотя гибель уже не грозила. Однажды им не удалось добыть мяса, и под вечер Смотрящий на Луну вел своих усталых и сердитых сородичей домой. Впереди уже показались пещеры, и тут, у самого своего порога, они наткнулись на один из редких подарков природы.

Близ тропы лежала антилопа – не детеныш, а взрослый самец. У него была сломана передняя нога, он не мог сдвинуться с места, но еще не ослабел, и окружившие его шакалы держались на почтительном расстоянии от острых как кинжалы рогов. Впрочем, они могли позволить себе роскошь терпеливо ждать – они знали, что время работает на них.

Они только забыли о возможных соперниках; при появлении питекантропов они отступили, злобно огрызаясь. Питекантропы тоже сначала осторожно окружили животное, держась подальше от его опасных рогов, но затем набросились на него с палицами и камнями.

Это нападение было не особенно дружным и организованным; когда несчастное животное наконец испустило дух, уже почти совсем стемнело, и шакалы снова осмелели. Смотрящий на Луну, раздираемый страхом и голодом, только тут сообразил, что все их старания могут пропасть зря. Оставаться на тропе было уже слишком опасно.

И тут – не в первый и не в последний раз – он доказал свою гениальность. Огромным усилием воображения он представил себе убитую антилопу в безопасном убежище – в своей пещере! Он поволок ее к уступу, остальные довольно быстро поняли, зачем он это делает, и принялись ему помогать.

Знай он, как трудна будет эта задача, он не стал бы и пробовать. Если бы не огромная физическая сила да ловкость, унаследованные от предков, живших на деревьях, ему нипочем бы не втащить тяжелую добычу вверх по крутому склону. Несколько раз, плача от беспомощности, он готов был бросить ее на полпути, но упорство, столь же могучее, как и чувство голода, подхлестывало его. Сородичи то помогали ему, то мешали; по большей части они просто путались под ногами. Но когда последние отблески заката погасли на ночном небе, задача была выполнена – изодранную и растерзанную тушу антилопы втащили через высокий порог в пещеру, и началось пиршество.

...Спустя несколько часов наевшийся до отвала вожак внезапно проснулся. Сам не понимая почему, он присел в темной пещере среди расprostертых тел своих тоже сытых по горло сородичей и начал напряженно вслушиваться в ночную мглу снаружи.

Он не слышал ни звука, кроме тяжелого дыхания спящих; казалось, весь мир погружен в глубокий сон. В ярком свете высоко стоящей луны белели, словно кости, скалы вокруг входа в пещеру. Даже самая мысль об опасности казалась бесконечно далекой.

И вдруг откуда-то снизу донесся слабый звук – по откосу скатился камешек. Превозмогая страх, Смотрящий на Луну подполз к выходу из пещеры и пытливо заглянул вниз, на склон горы под ним.

То, что он увидел, сковало его таким ужасом, что он несколько секунд не мог даже пошевелиться. Всего в десяти шагах светились золотистым светом два глаза, впериwившиеся прямо в него. Завороженный этим леденящим взглядом, он в этот миг вряд ли помнил о скрытом темнотой гибком пятнистом теле, плавно и бесшумно скользившем от камня к камню. Леопард никогда еще не забирался так высоко. На сей раз он пренебрег нижними пещерами, хотя наверняка знал, кто в них живет. Его влекла сейчас другая добыча, он шел по следу, образованному на залитом луной склоне каплями крови.

Через несколько секунд ночную тишину разорвали тревожные вопли питекантропов в верхней пещере. Леопард яростно зарычал – внезапная атака не удалась. Но он не остановился, он знал, что ему нечего бояться.

Он добрался до входа в пещеру и на мгновение задержался на узкой площадке перед ним. Вокруг пахло свежей кровью, и этот запах будил в убогом свирепом мозгу леопарда одно неудержимое желание. Не колеблясь, зверь бесшумно шагнул в пещеру.

Это была его первая ошибка – в темноте пещеры после яркого лунного света даже его великолепно приспособленные к ночному видению глаза на миг словно ослепли. Питекантропы могли видеть его лучше, чем он их, хотя бы потому, что его силуэт выделялся на более светлом фоне входного отверстия. Они были, конечно, до смерти испуганы, но уже не так беспомощны, как раньше.

Рыча и хлеща направо и налево хвостом, леопард с наглой уверенностью прыгнул в пещеру в поисках сладкой поживы, которая приманила его сюда. На открытом месте он без труда достиг бы цели. Но здесь, в пещере, припертые к стене и побуждаемые отчаянием питекантропы решились на немыслимо дерзкую попытку. К тому же впервые за все время своего существования они располагали средствами, позволяющими им достичь своей цели.

На голову леопарда обрушился оглушающий удар, и только тут он почуял неладное. Он наугад отмахнулся передней лапой и, раздирая когтями чье-то живое тело, услышал крик, полный предсмертной муки. И вдруг сильная боль пронзила его самого – что-то острое воткнулось ему под ребра, потом еще и еще раз. Он круто обернулся, пытаясь настичь ответными ударами смутные тени, которые, вопя, метались вокруг.

Снова яростный удар, на этот раз по носу. Леопард цапнул зубами что-то, мелькнувшее беловатым пятном перед его глазами, но зубы только скользнули по мертвой кости. А затем последовало нечто совершенно невообразимое и унижительное – его ухватили за хвост и стали тянуть, чуть не отдирая хвост с корнем.

Леопард могучим рывком развернулся вокруг себя и, взметнув в воздух своего безрассудно дерзкого мучителя, шмякнул его о стену пещеры. Но как зверь ни бился, ему не удавалось уклониться от града ударов, наносимых со всех сторон примитивными орудиями, которыми теперь владели неуклюжие, но сильные руки питекантропов. В его рычании последовательно отразилась целая гамма чувств – от боли до тревоги и от тревоги до слепого ужаса. Непобедимый охотник обратился в жертву и отчаянно пытался спасти свою шкуру.

И тут он сделал вторую ошибку: с перепугу он забыл, где его настигла опасность. А может быть, удары, обрушившиеся на его голову, оглушили или ослепили его. Так или иначе, спасаясь, он опрометью выпрыгнул из пещеры. Снаружи донесся отчаянный сиплый рев. Это ревел леопард, беспомощно кувыркаясь в воздухе. Питекантропам показалось, что прошла вечность, и наконец они услышали глухой стук – это тело леопарда разбилось о каменный выступ на середине откоса, и все смолкло, только прошуршали несколько камешков, соскользнувших вниз.

Смотрящий на Луну, опьяненный победой, еще долго приплясывал и бормотал у входа в пещеру. Он безошибочно чуял, что все в мире переменялось, отныне он уже не будет беспомощной жертвой враждебных сил.

Наконец он залез в пещеру и впервые в своей жизни проспал всю ночь, ни разу не проснувшись.

Наутро они увидели труп леопарда у подножия обрыва. Не сразу они решились подойти к сраженному чудовищу, хотя и знали, что оно мертво, но потом набросились на него, пустив в ход свои костяные ножи и пилы.

Работа оказалась нелегкой, и на охоту в этот день не ходили.

Глава 5. Встреча на рассвете

Ведя свою стаю к ручью в сером предутреннем свете, Смотрящий на Луну нерешительно остановился у места, показавшегося ему знакомым. Он знал, что здесь чего-то не хватало, но никак не мог вспомнить, чего именно. Впрочем, он не тратил особых усилий на воспоминания – этим утром у него на уме были дела посерьезнее.

Огромная кристаллическая глыба исчезла так же загадочно, как и появилась, – подобно грому и молнии, облакам и затмениям светил. Утонув в прошлом, которое для питекантропов не существовало, она уже никогда более не вспоминалась Смотрящему на Луну.

Он так и не понял, что сделал для него этот камень, а столпившиеся вокруг сородичи даже не полюбопытствовали, почему их вожак остановился здесь на минутку в утреннем тумане по дороге на водопой.

Стоя на своем берегу в извечно нерушимой безопасности своих владений, Другие увидели Смотрящего на Луну и с десятков самцов из его стаи еще издали – словно оживший силуэтный фриз на фоне рассветного неба. Они тут же разразились обычными выкриками и угрозами, но на сей раз ответа не последовало.

Спокойно, решительно, а главное, молча Смотрящий на Луну и его отряд сошли с невысокого пригорка на своем берегу, и, когда они приблизились к воде, Другие внезапно притихли. Их ритуальная ярость схлынула, вытесненная все нарастающим страхом. Они смутно сознавали, что происходит нечто необычное, что сегодняшняя встреча с соседями непохожа на все прежние. Костяные палицы и ножи, которыми были вооружены приближавшиеся, не встревожили Других – они ведь не понимали, для чего эти орудия. Только чутье подсказывало им, что каждый шаг их соперников исполнен новой решимости и угрозы.

У самой воды Смотрящий на Луну остановился, и Другие на миг приободрились. Под водительством своего Одноухого они без особого рвения снова начали воинственно вопить. Но через несколько секунд их глазам предстало столь страшное зрелище, что они онемели.

Смотрящий на Луну взметнул обе руки вверх, открыв для обозрения свою ношу, которую до того скрывали волосатые тела его сородичей. Он держал в руках толстый сук, на который была насажена окровавленная голова леопарда. Пасть его была широко раскрыта и расперта щепкой, огромные клыки сверкали устрашающей белизной в первых лучах восходящего солнца.

Большинство Других оцепенели от страха и не могли шевельнуться, но кое-кто начал медленно пятиться, спотыкаясь на каждом шагу. Этого было довольно, чтобы Смотрящий окончательно осмелел. По-прежнему держа свою растерзанную добычу над головой, он шагнул в воду. Немного поколебавшись, зашлепали вслед за ним по воде и его спутники.

Вожак достиг противоположного берега, а Одноухий все еще стоял на прежнем месте. Возможно, он был слишком смел или слишком глуп, чтобы бежать, а может быть, ему просто не верилось, что и вправду совершается такое неслыханное вторжение. Был ли он героем или трусом, это никак не повлияло на его участь; голова леопарда, сверкнув мертвым оскалом клыков, взвилась над ним и размозжила ему череп, а он так ничего и не понял.

Визжа от ужаса, Другие разбежались и попрятались в зарослях. Впрочем, немного погодя они вернулись и вскоре начисто позабыли о своем погибшем вожаке.

А Смотрящий на Луну стоял в нерешительности над своей новой жертвой, пытаясь уяснить странное и удивительное открытие: мертвый леопард все еще может убивать! Он стоял и думал. Он стал владыкой мира, и ему еще не совсем было ясно, что делать дальше.

Но он что-нибудь придумает.

Глава 6. Появление человека

На Земле появилось новое животное; из центральной части Африканского материка оно медленно распространялось по всей планете. Оно было еще столь немногочисленно, что при беглом обследовании его можно было и не заметить среди миллиардов живых существ, которыми кишели и море, и суша. Пока еще ничто не предвещало, что оно добьется процветания или хотя бы просто выживет: в этом мире, где погибло так много более могучих животных, его судьба еще висела на волоске.

За сто тысяч лет, прошедших со времени появления в Африке монолитов, питекантропы не придумали ничего нового. Но сами они начали изменяться и выработали навыки, какими не обладало больше ни одно животное. Костяные палицы приумножили их силу и удлинители их руки; они уже не были теперь беззащитны против хищников, с которыми им приходилось состязаться. У мелких они могли отнять добычу, а тех, что побольше, заставили остерегаться, а иногда и обращали в бегство.

Крупные зубы питекантропов постепенно становились мельче, потому что теперь они были уже не так нужны. Их кое в чем уже заменял камень с острыми гранями, которым можно было выкапывать съедобные корни, резать жесткое мясо и сухожилия, и эта новая возможность повлекла за собой неисчислимые последствия. Питекантропам, у которых стерлись или сломались зубы, уже не грозила голодная смерть – даже самые примитивные орудия могли продлить их жизнь на много лет. А по мере того как становились короче клыки, менялся и весь склад их лица – все меньше выпячивались нос и верхняя губа, менее тяжелой становилась нижняя челюсть, теперь они могли издавать ртом больше разнообразных звуков. До речи было еще больше миллиона лет, но первые шаги в этом направлении были уже сделаны.

А потом начал меняться окружающий мир. Четырьмя могучими волнами прокатились ледниковые периоды, оставив на всей Земле свой след; гребни этих волн отстояли друг от друга на двести тысяч лет. За пределами тропиков ледники уничтожили тех, кто слишком рано покинул родину своих предков; они смели с лица Земли все живое, что не умело приспособиться к новым условиям.

Когда льды отступили, не стало и многих древних представителей органической жизни, в том числе и питекантропов. Но в отличие от других животных они оставили потомков – они не вымерли, а преобразились. Орудия, сделанные их руками, переделали их самих.

Работая дубинками и кремневыми ножами, их руки приобретали ловкость, какой не обладал никто больше во всем животном царстве, и эта ловкость позволила им изготавливать еще более совершенные орудия, которые, в свою очередь, развивали их мозг и конечности. Это был нарастающий, самоускоряющийся процесс, и он в конечном итоге создал Человека.

Первые люди в точном смысле этого слова располагали орудиями, лишь немногим совершеннее тех, что были у их предков миллион лет назад, но пользовались ими уже гораздо искуснее. Кроме того, неведомо когда, в незапамятные времена, они изобрели самое важное орудие, незримое и неосязаемое. Они научились говорить и тем самым добились первой великой победы над Временем. Теперь каждое поколение получило возможность передавать свои знания и опыт следующему, молодому, и каждый новый век становился обладателем всего открытого и познанного предыдущими.

В отличие от животных, которым было ведомо только настоящее, Человек обрел прошлое – и начинал искать пути к достижению будущего.

Постепенно он учился также использовать силы природы; подчинив себе огонь, он заложил основы первичной технологии и высоко поднялся над миром животных, из которого вышел сам. Прошло время, и камень сменился бронзой, бронза – железом. На смену

охоте пришло земледелие. Выросшее из стаи племя положило начало селению, селения разрастались в города. Человек научился увековечивать речь знаками на камне, затем на глине, затем на папирусе. Потом он придумал философию и религию. И заселил небо богами.

Тело его становилось все беззащитней, а орудия нападения – все более устрашающими. Пуская в ход камень, бронзу, железо и сталь, он испытал весь набор орудий, могущих колоть и резать, и весьма рано научился поражать свои жертвы на расстоянии. После копья, лука и пушки ядерная ракета наконец дала ему в руки оружие неограниченной мощи.

Без оружия, хотя он часто обращал его во вред себе, Человек никогда не завоевал бы Землю. Но теперь само существование оружия грозит Человеку гибелью.

Часть II. ЛМА-1

Глава 7. Специальный рейс

«Сколько бы ни приходилось покидать Землю, – подумал доктор Хейвуд Флойд, – все равно всякий раз волнуешься не меньше». Он побывал на Марсе, трижды – на Луне, а на различные космические станции летал так часто, что давно уже сбился со счета. И все же теперь, когда близился момент старта, он ощутил, как нарастает в нем напряжение, какое-то изумленно-благоговейное чувство, ну и, конечно, самое обыкновенное волнение, как у новичка перед первым космическим «крещением».

Реактивный самолет, домчавший его сюда из Вашингтона после полуночной беседы с президентом США, начал круто снижаться над местностью, облик которой хотя и был знаком всему миру, все же оставался не менее волнующим. Здесь, внизу, на протяжении тридцати пяти километров вдоль побережья Флориды высились памятники первых двух поколений Эры завоевания космоса. Дальше к югу мерцающими красными огнями были очерчены силуэты гигантских опорных мачт «сатурнов» и «нептунов», которые вывели людей на межпланетные трассы и стали ныне достоянием истории. Еще дальше, у самого горизонта, в лучах прожекторов огромной серебряной башней сверкала последняя ракета «Сатурн V», сохраненная как национальный монумент и почти два десятилетия служившая местом паломничества. Неподалеку от нее рукотворной горой вырисовывался на фоне неба исполинский массив корпуса сборки ракет – он и по сей день оставался крупнейшим зданием на Земле.

Но все это было уже достоянием прошлого, а доктор Флойд летел в будущее. Когда самолет пошел на посадку, Флойд увидел внизу множество зданий, длинную посадочную полосу, а дальше, широким черным шрамом рассекая Флоридскую равнину, тянулась огромная пусковая эстакада с несколькими рядами параллельных направляющих. На стартовом конце ее в окружении машин и кранов лежал, готовясь к прыжку в небо, космолет, ярко освещенным прожекторами. В быстрой смене скоростей и высот Флойд на мгновение утратил ощущение масштабов, и космолет показался ему крохотной серебристой мошкой, выхваченной из ночной тьмы лучом карманного фонаря.

Но маленькие фигурки, суетившиеся вокруг, тотчас вернули ему истинное представление о размерах корабля. Между концами резко скошенных крыльев было, наверно, не меньше шестидесяти метров. «И эта гигантская машина, – с удивлением, но и не без гордости подумал Флойд, – готовится для меня одного!» На его памяти это был первый космический полет для доставки на Луну всего лишь одного человека.

Хотя было уже два часа ночи, на пути от самолета до залитого светом космического корабля «Орион III» доктора Флойда перехватила группа репортеров. Кое-кого из них он узнал – для него как председателя Национального совета по астронавтике пресс-конференции были неотъемлемой частью повседневной жизни.

– Доктор Флойд? Я Джим Форстер из «Ассошиэйтед ньюс». Не скажете ли нам несколько слов о цели вашего полета?

– К сожалению, не могу.

– Но ведь несколько часов назад вы беседовали с президентом.

– А, это вы, Майк. Хелло! Боюсь, что вас напрасно подняли с постели. Никакой информации не будет.

– Может быть, вы хотя бы подтвердите или опровергнете слухи о том, что на Луне вспыхнула какая-то эпидемия? – спросил один из телевизионных репортеров, ухитрившийся

протиснуться поближе к Флойду и все время державший его в поле зрения своей портативной камеры.

– Очень жаль, но не имею возможности, – ответил Флойд, покачав головой.

– А как насчет карантина? – спросил другой репортер. – Когда его снимут?

– Комментариев не будет.

– Доктор Флойд, – тоном, не допускающим отказа, спросила хрупкая, но весьма решительная дама из газеты, – чем объясняется полное прекращение информационных передач с Луны? Это связано с политической обстановкой?

– Какую именно политическую обстановку вы имеете в виду? – сухо бросил Флойд.

В группе журналистов послышались смешки. Флойд направился к лифтовой башне, оставив своих преследователей позади запретного барьера.

– Счастливого пути, доктор! – крикнул кто-то из них.

У входа в салон его приветствовала блещущая свежестью стюардесса:

– С добрым утром, доктор Флойд. Я мисс Симмонс. Приветствую вас на борту нашего корабля от имени капитана Тайнза и второго пилота, первого помощника капитана, Балларда.

– Благодарю вас, – улыбнулся Флойд, дивясь про себя, почему у всех стюардесс голос безжизненный, словно у гидов-автоматов.

– Старт через пять минут, – сообщила она, обводя гостеприимным жестом пустой салон на двадцать пассажиров. – Можете занять любое место, но капитан Тайнз рекомендует вам сесть в крайнем левом кресле первого ряда, у иллюминатора, – оттуда удобно наблюдать все этапы старта и посадки.

– Пожалуй, я так и сделаю, – согласился Флойд.

Стюардесса еще немного посуетилась вокруг него и удалилась в свою кабину в конце салона.

Флойд уселся в кресло поудобнее, застегнул ремни на поясе и на плечах и закрепил свой портфель в соседнем кресле. Через мгновение мягким щелчком включился репродуктор.

– С добрым утром, – послышался голос мисс Симмонс. – Мы следуем специальным рейсом номер три с мыса Кеннеди на Космическую станцию номер один.

Она, видимо, решила совершить ради своего одинокого пассажира полный предстартовый ритуал, и Флойд не мог удержаться от улыбки, слушая, как неумолимо она выкладывает всю информацию, которую положено сообщать пассажирам.

– Наш полет будет длиться пятьдесят пять минут. Максимальное ускорение составит два «же», состояние невесомости продолжится тридцать минут. Прошу не покидать кресла до тех пор, пока не зажжется табло с разрешающей надписью.

Флойд, полуобернувшись, крикнул:

– Спасибо!

Он успел увидеть несколько смущенную, но очаровательную улыбку.

Флойд откинулся на спинку кресла, расслабил мышцы. Этот полет обойдется налогоплательщикам примерно в миллион с лишним долларов. Если затраты окажутся неоправданными, его, Флойда, сместят с занимаемого поста. Впрочем, он всегда может возвратиться в университет и вновь заняться вопросами происхождения планет.

– Автоматический предстартовый контроль закончен, полет разрешен, – послышался в репродукторе голос капитана с типичными для радиодикторов успокаивающими интонациями. – Старт через одну минуту.

Как всегда, эта минута показалась часом. С острым волнением Флойд вспомнил, какие могучие силы дремлют где-то рядом с ним и ждут своего высвобождения. В топливных баках двух ракет и в энергоаккумуляторах пусковой катапульты была сосредоточена энергия мощ-

ной ядерной бомбы. И вся она будет затрачена только на то, чтобы забросить его всего на триста пятьдесят километров от Земли.

Никаких устаревших предстартовых отсчетов, вроде «пять – четыре – три – два – один», теперь не производилось. Слишком дорого они стоили человеческим нервам.

– Старт через пятнадцать секунд. Вам будет легче, если вы начнете глубоко дышать.

Это было правильно как с психологической, так и с физиологической точки зрения. Когда катапульта начала разгонять свой тысячетонный снаряд, чтобы взметнуть его над Атлантикой, Флойд был настолько заряжен кислородом, что чувствовал себя готовым к любым испытаниям.

Определить момент отрыва от катапульти и начала полета он не смог, но включение двигателей первой ступени на полную мощность дало о себе знать удвоенным ревом и резким нарастанием силы тяжести, вдавливавшей Флойда все глубже и глубже в кресло. Ему хотелось глянуть в иллюминатор, но было трудно даже повернуть голову. И в то же время он не ощущал никакого неудобства, напротив, нарастающее ускорение и рев двигателей порождали в нем чувство необычайного блаженства.

Совершенно оглушенный, с учащенно бьющимся сердцем, Флойд давно уже не испытывал такого наслаждения жизнью, как сейчас. Он снова был молод и счастлив, ему хотелось громко петь – и он вполне мог себе это позволить, поскольку его все равно никто бы не услышал.

Но приподнятое настроение мигом схлынуло, как только он вспомнил, что покидает Землю и всех, кого любит. Там, внизу, оставались трое детей, осиротевших десять лет назад, когда его жена отправилась в тот роковой полет в Европу... Неужели прошло уже десять лет? Не может быть! Да, десять лет... Пожалуй, ради детей ему следовало жениться во второй раз...

Он почти утратил ощущение времени, но вдруг давление и шум резко спали и в репродукторе послышалось: «Готовимся к отделению первой ступени. Пошла!»

Флойд почувствовал слабый толчок. И тут ему вспомнилась цитата из Леонардо да Винчи, одно время висевшая на стене в помещении НАСА: «Великая птица совершает свой полет на спине другой великой птицы, неся славу тому гнезду, где она родилась».

Ну что ж, вот великая птица уже и летит там, куда не достигали мечты Леонардо, а ее усталая спутница плавно опускается назад, на Землю. Описав кривую в пятнадцать тысяч километров, опустевшая первая ступень войдет в атмосферу и, постепенно тормозясь, приземлится на мысе Кеннеди. Через несколько часов, после проверки и повторной заправки, она вновь будет готова поднять на своей спине новую птицу к тем сверкающим высям вечного молчания, которых сама никогда не достигнет.

Осталось меньше полпути до выхода на орбиту. «Дальше полетим на своих», – подумал Флойд. Заревели двигатели второй ступени, опять возникло ускорение, но на сей раз тяга была гораздо слабее – он ощущал почти нормальную силу тяжести. Впрочем, ходить все равно было невозможно, поскольку «верх» был на передней стене салона. Если бы Флойду вздумалось выбраться из кресла, он упал бы и разбился о заднюю стену.

Ощущение было не особенно приятным – казалось, корабль стоит на хвосте, а все кресла салона укреплены на отвесной стене, причем кресло Флойда – на самом верху...

Пока он усердно пытался преодолеть этот обман чувств, за стенами корабля бесшумно взорвался рассвет.

За считанные секунды корабль пронесся через багровые, розовые, золотистые, голубые преддверия дня и вторгся в царство пронзительного света. Хотя стекла иллюминаторов были густо окрашены, чтобы ослабить сияние Солнца, первые лучи его, медленно скользившие по салону, на несколько минут почти ослепили Флойда.

Он прикрыл глаза от косых лучей ладонями и попытался поглядеть в иллюминатор. Снаружи, словно раскаленное добела, сверкало круто скошенное назад крыло корабля. За его кромкой была чернильная мгла, в этой мгле должно сиять множество звезд, но увидеть их Флойд не мог.

Сила тяжести медленно убывала – корабль выходил на орбиту, и подача топлива в двигатель снижалась. Грохот постепенно перешел в приглушенный рев, затем в слабое шипение и наконец смолк. Если бы не застегнутые ремни, Флойд всплыл бы над своим креслом; впрочем, желудок вел себя так, будто он действительно собирается всплыть. Оставалось только надеяться, что таблетки, принятые полчаса назад и в пятнадцати тысячах километров отсюда, подействуют, как предусмотрено в их описании. «Космическая болезнь» была у Флойда только один раз за всю его карьеру, но и этого было предостаточно.

В репродукторе прозвучал твердый, уверенный голос пилота: «Прошу соблюдать правила поведения при невесомости. Через сорок пять минут мы отшвартуемся у Космической станции номер один».

Появилась стюардесса. Она шла по узкому проходу справа от тесно расположенных кресел медленно и плавно, будто плыла, с трудом отрывая ноги от пола, словно его поверхность была покрыта клеем. Она не сходила с ярко-желтой ковровой дорожки из велкро, которая тянулась по всему проходу на полу – и на потолке. Эта дорожка и подошвы туфель стюардессы были покрыты множеством мельчайших крючков и сцеплялись друг с другом, как репы. Такое приспособление для ходьбы в условиях свободного падения в пространстве очень помогало непривычным к невесомости пассажирам.

– Не хотите ли чаю или кофе, доктор Флойд? – весело спросила она.

– Нет, спасибо, – улыбнулся Флойд.

Когда ему приходилось сосать питье из пластмассовых тюбиков, он неизменно чувствовал себя грудным младенцем.

Он открыл свой портфель и собрался достать бумаги, но стюардесса все еще продолжала стоять подле него с озабоченным выражением лица.

– Доктор ФLOYD... Можно задать вам один вопрос?

– Да, конечно, – сказал он, взглянув на нее поверх очков.

– Мой жених работает геологом на базе Клавий, – заговорила стюардесса, тщательно выбирая слова, – и вот уже вторую неделю я не имею от него никаких вестей.

– Сочувствую вам. Может быть, он выехал с базы и с ним временно нет связи?

Она покачала головой:

– Нет, он меня всегда предупреждает о таких поездках. Представляете, как я беспокоюсь... А тут еще слухи... Правда, что на Луне эпидемия?

– Ну, если там и случилось что-либо подобное, то никаких оснований для тревоги нет. Вспомните: в тысяча девятьсот девяносто восьмом году на Луне тоже объявили карантин, когда там появился мутантный вирус гриппа. Переболело много людей, но ведь никто не умер... Простите, но это все, что я могу вам сказать, – добавил он твердо.

Мисс Симмонс пленительно улыбнулась и распрямилась.

– Спасибо и на том, доктор. Простите за беспокойство.

– Да что вы, никакого беспокойства, – любезно, но не вполне искренне ответил Флойд и погрузился в бесчисленные технические доклады (как всегда, на последние минуты осталась гора накопившихся бумаг).

На Луне ему явно некогда будет их читать.

Глава 8. Встреча на орбите

Получасом позднее пилот объявил:

– Через десять минут причалим. Прошу проверить надежность креплений к креслу.

Флойд повиновался приказу, потом убрал бумаги. Было бы по меньшей мере неблагоприятно заниматься чтением во время того акта небесной акробатики, какой всегда разыгрывается на последних сотнях километров перед стыковкой со станцией. Лучше закрыть глаза и отдохнуть, расслабив мышцы, пока короткие вспышки коррекционных двигателей будут рывками дергать корабль.

Через несколько минут в иллюминаторе впервые показалась Космическая станция номер один. До нее оставалось не больше десятка километров. Полированные металлические поверхности медленно вращающегося трехсотметрового колеса сверкали в лучах Солнца. Неподалеку от станции в дрейфе на той же орбите «лежал» космоплан «Титов V», а рядом с ним – почти шарообразный «Ариес-IV», рабочая лошадка космоса; с одной стороны у него торчали четыре короткие посадочные «ноги» – амортизаторы для прилунения.

«Орион III» подходил к станции с внешней, несколько большего радиуса, орбиты, и перед Флойдом открылась озаренная Солнцем поверхность Земли во всей своей красе и живописности. С высоты 350 километров он мог видеть большую часть Африканского континента и Атлантический океан. Несмотря на значительную облачность, он легко узнал зелено-голубые очертания Золотого берега.

Осевая часть станции с выдвинутыми вперед причальными направляющими медленно плыла навстречу кораблю. В отличие от всего огромного колеса эта центральная его часть не вращалась или, если угодно, вращалась в обратную сторону со скоростью, точно равной скорости вращения колеса. Благодаря этому прибывающий корабль мог стыковаться с нею для обмена грузом и пассажирами, не подвергаясь вращению, весьма нежелательному при этой операции.

Еле ощутимый толчок возвестил о том, что корабль причалил. Снаружи донеслись скрежет и лязг металла, затем коротко зашипел воздух – это уравнивалось давление в шлюзе. Через несколько секунд герметическая дверь шлюза раскрылась и в салон вошел человек в светлых узких брюках и рубашке с короткими рукавами – этот костюм стал почти формой персонала станции.

– Рад с вами познакомиться, доктор Флойд. Я Ник Миллер, офицер службы безопасности станции. Мне приказано охранять вас до отбытия лунного шаттла.

Они пожали друг другу руки. Флойд, улыбаясь, обратился к стюардессе:

– Передайте, пожалуйста, капитану Тайнзу привет и мою признательность за спокойный полет. На обратном пути мы с вами, наверно, увидимся.

С величайшей осторожностью – последний раз он летал больше года назад, и теперь ему требовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к внеземным условиям, – он, перехватываясь руками, протянул себя через шлюз в большую цилиндрическую камеру на оси космической станции. Изнутри камера была покрыта мягкой амортизирующей обивкой, в которую были заглублены ручки. Флойд крепко уцепился за одну из них, и камера начала вращаться, сперва очень медленно, потом быстрее, пока скорость ее вращения не совпала со скоростью всего колеса.

И по мере того как камера набирала угловую скорость, он начал отчетливее ощущать прикосновение гравитации, сперва совсем слабой; постепенно его все с большей силой притягивало к цилиндрической стене камеры. Вдруг, словно по волшебству, стена превратилась в искривленный пол, и вот уже Флойд стоит на нем, неуверенно и тихо покачиваясь во все стороны, словно стебель водоросли под волнами прилива. Им завладела центробежная сила, порожденная вращением станции; еще очень слабая здесь, у оси, она возрастала по мере приближения к наружному «ободу».

Из осевой камеры Флойд, следуя за Миллером, пошел вниз по винтовой лестнице. Вначале вес его был столь незначителен, что приходилось хвататься за перила и делать некото-

рое усилие, чтобы спускаться. Лишь в залах для пассажиров, которые находились на самом «ободе» огромного вращающегося колеса, Флойд приобрел достаточный вес, позволивший ему почти нормально управлять своими движениями.

Залы были заново отделаны со времени его последнего посещения, в них появились некоторые дополнительные удобства. Маленькие столики со стульями для отдыха, ресторан и почта были тут и раньше, теперь прибавились еще и парикмахерская, бар, кинотеатр, а также киоск с сувенирами, в котором продавались фотографии и «слайды» лунных и земных ландшафтов и куски «лунников», «рейнджеров» и «сервейоров» с гарантией подлинности, изящно обрамленные пластиком и грабительно дорогие.

– Не хотите ли чего-нибудь, пока мы ждем? – спросил Миллер. – Посадка будет примерно через полчаса.

– Не возражал бы против чашки кофе. Сахару – два куса. И еще мне нужно позвонить на Землю.

– Пожалуйста. Кофе я сейчас добуду, а телефоны вон там.

Нарядные телефонные будки находились всего в нескольких шагах от барьера, в котором были два входа с вывесками «Добро пожаловать в сектор США» и «Добро пожаловать в советский сектор». Объявления под вывесками на английском, русском, китайском, французском, немецком и испанском языках гласили:

ПРОСИМ ПРЕДЪЯВИТЬ: ПАСПОРТ, ВИЗУ, МЕДИЦИНСКОЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВО, РАЗРЕШЕНИЕ НА ПОЛЕТ, ДЕКЛАРАЦИЮ О
БАГАЖЕ С УКАЗАНИЕМ ВЕСА

Была некая отрадная символичность в том, что пассажиры, едва пройдя через любой из контрольных входов в барьере, имели право вновь свободно общаться. Разделение на секторы было чисто формальным.

Убедившись, что зональный вызывной сигнал для США был по-прежнему «81», Флойд отстучал на клавишах двенадцатизначный номер своего домашнего телефона, опустил в прорезь автомата пластиковый универсальный кредитный жетон, и через тридцать секунд его соединили с домом.

В Вашингтоне еще спали, до рассвета там оставалось несколько часов, но он никого и не собирался будить. Экономка услышит его слова, записанные на рекордере, когда проснется.

– Мисс Флеминг, это доктор Флойд. Простите, что пришлось так спешно уехать. Будьте любезны, позвоните ко мне на службу и попросите забрать мою машину. Она стоит в аэропорту Даллес, а ключ у старшего диспетчера, мистера Бейли. Затем позвоните в загородный клуб Чев-Чейс и сообщите для передачи секретарю, что я никак не смогу участвовать в теннисном матче в следующую субботу. Передайте мои извинения – боюсь, что они на меня рассчитывают. И еще позвоните в «Даунтаун электроникс» и скажите им, если они не починят видеофон в моем кабинете хотя бы к среде, пускай вовсе забирают эту чертову машинку!

Он перевел дыхание и попытался сообразить, какие еще затруднения могут возникнуть за время его отсутствия.

– Если у вас почему-либо не хватит денег, звоните на службу, они сумеют срочно связаться со мной. Впрочем, я, возможно, буду так занят, что не отвечу... Передайте детям, что папа их любит и вернется, как только освободится. О черт! Тут появился человек, которого я не хочу видеть... Позвоню с Луны, если смогу. До свидания!

Флойд попытался, пригнувшись, выскользнуть из будки, но было уже поздно: через выход из советского сектора напрямик к нему направлялся член Академии наук СССР доктор Дмитрий Мойсевич.

Дмитрий был одним из лучших друзей Флойда, но именно поэтому Флойд меньше, чем с кем-либо другим, хотел столкнуться с ним здесь и в данную минуту.

Глава 9. Лунный шаттл

Русский астроном был высок, строен и светловолос, с лицом без единой морщинки – ему никак нельзя было дать пятидесяти пяти лет, тем более что последние десять лет он провел на строительстве гигантской радиообсерватории на обратной стороне Луны, где трехтысячекилометровая толща скальных пород защищала от электронного беспутства Земли.

– Ну, знаете ли, Хейвуд, – сказал он, крепко пожимая руку американцу, – Вселенная поистине тесна! Что у вас нового? Как поживают ваши симпатичные ребята?

– У нас все хорошо, – дружелюбно, но несколько растерянно ответил Флойд. – Мы часто вспоминаем, как славно погостили у вас прошлым летом.

Ему было стыдно, что он не мог сказать об этом более искренне – им действительно доставил очень много радостей недельный отдых в Одессе, куда их пригласил Дмитрий во время одного из своих вылетов на Землю.

– А сейчас вы, полагаю, на Луну? – спросил Дмитрий.

– Гм, д-да... Стартуем через полчаса, – ответил Флойд. – Вы знакомы с мистером Миллером?

Офицер службы безопасности как раз вернулся и остановился в почтительном отдалении, держа в руках пластиковую чашку с кофе.

– Конечно. Но прошу вас, мистер Миллер, поставьте эту чашку. У доктора Флойда осталась последняя возможность выпить виски в цивилизованных условиях, и упустить ее просто грешно. Нет-нет, я настаиваю.

Они последовали за Дмитрием из главного зала для отдыха в смотровой отсек и через минуту уже сидели за столом в тускло освещенном уголке, созерцая движущуюся панораму звездного неба. Космическая станция совершала один оборот в минуту, и центробежная сила, порождаемая этим медленным вращением, создавала искусственное тяготение, равное лунному. Это был, как установили исследования, наилучший компромисс между земным тяготением и полной невесомостью. К тому же пассажиры, летящие на Луну, получали здесь возможность, так сказать, гравитационной акклиматизации.

За почти невидимыми стеклами иллюминаторов немой чередой проплывали Земля и звезды. Та сторона колеса, где они сидели, была обращена в сторону, противоположную Солнцу, иначе слепящий свет не позволил бы и глянуть в иллюминаторы. Даже сейчас в сиянии Земли, заслонившей полнеба, тускнели почти все звезды, кроме самых ярких.

Но Земля уже начала гаснуть – станция неслась по орбите к ночной стороне планеты, через несколько минут она будет видна только как огромный черный диск, испещренный огнями городов, и тогда небом завладеют звезды.

– Скажите-ка, Хейвуд, – заговорил Дмитрий, быстро разделавшись с первой порцией виски и вертя в руках бокал со второй, – что это за эпидемия вспыхнула в американском секторе? Я хотел было заглянуть туда во время этой поездки, но мне ответили: «Не можем разрешить, профессор. У нас объявлен строгий карантин впредь до особого распоряжения». Нажимал на все кнопки, но ничего не вышло. Вы-то мне скажете, что там у вас происходит?

Флойд мысленно простонал: «Опять начинается... Господи, скорей бы уж залезть в этот шаттл и умотать на Луну!»

– Этот, э-э, карантин – обычная мера предосторожности, – с опаской заговорил он. – Мы, собственно, не очень уверены, нужен ли он в действительности, но рисковать не считаем возможным.

– Да что это за болезнь? Какие у нее симптомы? Откуда она, неужели внеземная? Может быть, вам нужна помощь нашей медицинской службы?

– Прошу прощения, Дмитрий, нас просили пока ничего не разглашать. Спасибо за предложение, но мы сами справимся.

– Гм, – хмыкнул Мойсевич, которого слова Флойда явно ни в чем не убедили, – чудно что-то: зачем именно вас, астронома, посылают на Луну ликвидировать эпидемию?..

– Я столько лет не занимаюсь астрономией, что стал уже бывшим астрономом. Теперь я научный эксперт, а это означает, что одинаково мало знаю обо всем на свете.

– Но вы уж наверняка знаете, что такое ЛМА-1?

Миллер чуть не подавился своим виски. Однако Флойд был сделан из материала покрепче; он взглянул старому другу прямо в глаза и невозмутимо переспросил:

– ЛМА-1? Какое странное сокращение! Где вы его слышали?

– Ладно, не пытайтесь меня дурачить! – отрезал русский астроном. – Но если наткнетесь на орешек, который окажется вам не по зубам, надеюсь, вы не дотянете до того, что придется кричать «караул», когда будет уже слишком поздно?

Миллер многозначительно взглянул на часы.

– Через пять минут надо быть на корабле, доктор Флойд, – сказал он. – Нам, пожалуй, пора.

Флойд хорошо знал, что у них в запасе добрых двадцать минут, но поспешно вскочил. Даже чересчур поспешно – он забыл, что тяготение здесь в шесть раз меньше земного. Судорожно ухватившись за стол в последнее мгновение, он едва предотвратил незапланированный «взлет».

– Очень рад был повидаться с вами, Дмитрий, – сказал он, несколько покривив душой. – Желаю благополучно добраться до Земли. Я позвоню вам, как только вернусь.

Когда они вышли из зала отдыха и прошли контроль американского сектора, Флойд с облегчением вздохнул:

– Ф-фу! Едва вывернулся. Спасибо, что выручили, Миллер.

– Знаете что, доктор? – задумчиво проговорил офицер. – Хотел бы я надеяться, что русский не прав.

– В чем?

– В том, что мы наткнемся на орешек не по зубам.

– Именно это я и намерен выяснить в ближайшие дни, – решительно ответил Флойд.

Через сорок пять минут лунный транспорт «Ариес-IV» отвалил от станции. В этом не было ничего похожего на грохот и ярость земных стартов. Флойд едва услышал отдаленный свистящий звук, когда реактивные двигатели малой тяги метнули электризованные струи плазмы в безвоздушное пространство. Тяга продолжалась минут пятнадцать; ускорение было настолько слабым, что при желании он мог легко встать с кресла и пройти по салону. Но вот ощущение тяги исчезло. Корабль освободился от власти земного тяготения, которое владело им, пока он был пришвартован к станции. Он порвал узы тяжести и стал свободной, независимой планетой, совершающей путь вокруг Солнца по своей собственной орбите.

Салон, находившийся в единоличном распоряжении Флойда, был рассчитан на тридцать пассажиров. Непривычны были и вызывали острое чувство одиночества десятки пустых кресел вокруг и ни с кем не разделенное внимание стюарда и стюардессы да еще двух пилотов и двух бортинженеров. Флойд задумался: вряд ли когда-либо в истории на поездку одного человека тратилось так много денег и едва ли это когда-нибудь повторится. Ему припомнились циничные слова одного из наиболее беспутных «наместников бога на Земле»: «Мы получили папский престол, а теперь насладимся всем, что он дает». Ну что ж, он, Флойд, тоже будет наслаждаться этим полетом и блаженным состоянием невесомости.

Вместе с ощущением тяжести его покинули, во всяком случае на время, почти все заботы. Кто-то сказал, что в космосе человеком может владеть страх, но уж никак не озабоченность. Пожалуй, это верно.

Что касается стюардов, то они, видно, решили кормить его непрерывно на протяжении всех двадцати четырех часов перелета, и ему приходилось поминутно отклонять предложения «что-нибудь съесть». Вообще говоря, вопреки мрачным предсказаниям первых астронавтов, есть в условиях невесомости было не так уж затруднительно. Флойд сидел за обыкновенным столом, тарелки на столе были закреплены, как на морских судах во время качки. В каждое блюдо было добавлено что-нибудь клейкое, чтобы еда не сорвалась с тарелки и не пошла плавать по салону. Так, котлету удерживал густой соус, а салат подавали с клейкой подливкой. При некотором навыке и осторожности можно было справиться почти с любыми блюдами; настрого запрещались здесь только горячие супы и чересчур рассыпчатые торты и печенье. С напитками, конечно, дело обстояло иначе – жидкости подавались только в пластиковых тубах и их приходилось выдавливать прямо в рот.

В конструкцию туалетной комнаты был вложен труд целого поколения энтузиастов, чей героизм остался невоспетым. Она уже достигла такого уровня совершенства, что считалась более или менее безотказной. Флойду пришлось проверить ее действие вскоре после начала свободного падения. Он оказался в маленькой кабине, снабженной всеми аксессуарами самолетного туалета, только почему-то в ней горела яркая красная лампочка, свет которой резал глаза. Табличка, напечатанная крупными буквами, гласила:

**ОЧЕНЬ ВАЖНО! РАДИ ВАШЕГО УДОБСТВА ПРОСИМ
ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАТЬ НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ ПРАВИЛА!**

Флойд присел (даже в условиях невесомости привычка использовать любую возможность, чтобы присесть, не покидала людей) и прочел инструкцию несколько раз. Убедившись, что со времени его последнего полета никаких изменений в правила не внесено, он нажал кнопку «Старт».

Где-то близко зажужжал электромотор, и Флойд почувствовал, что он вместе с кабиной начал двигаться. Закрыв глаза, как рекомендовала инструкция, он стал ждать. Через минуту мелодично звякнул колокольчик, и он открыл глаза.

Свет из резко-красного стал успокаивающим бледно-розовым, но, самое главное, Флойд ощутил воздействие тяжести; только легкое подрагивание всей кабинки подсказывало, что она вращается. Флойд подбросил в воздух кусок мыла и проследил за его медленным падением – как он прикинул, центробежная сила равнялась примерно четверти земной силы тяжести. Но ее было вполне достаточно – все двигалось в нужном направлении и попадало туда, куда положено.

Он нажал кнопку «Остановка для выхода из кабины» и опять закрыл глаза. Вращение прекратилось, постепенно опять возникла невесомость, дважды звякнул колокольчик, и вновь вспыхнул резкий красный свет. Дверца кабинки остановилась в нужном положении, и Флойд вышел в салон, поспешив с первого же шага прицепиться подошвами туфель к ковру. Он уже давно изведal всю остроту ощущений невесомости и был весьма доволен, что туфли «велкро» позволяют ходить почти нормально.

Скучать в полете не пришлось. Устав читать официальные доклады, памятные записки и протоколы, Флойд включил свой газетный планшет в информационную сеть корабля и просмотрел одну за другой крупнейшие электронные газеты мира. Их кодовые сигналы он помнил наизусть, и ему не требовалось даже заглядывать на обратную стенку планшета, где был напечатан их перечень. Включив краткосрочное запоминающее устройство планшета, он задерживал изображение очередной страницы на экране, быстро пробежал заголовки и отмечал статьи, которые его интересуют. Каждая статья имела свой двузначный кодовый

номер – стоило только набрать его на клавиатуре планшета, как крохотный прямоугольник статьи мгновенно увеличивался до размеров экрана величиной в лист писчей бумаги, обеспечивая полное удобство чтения. Прочитав одну статью, Флойд опять включал всю страницу и выбирал другую.

Он не раз задавал себе вопрос: неужели газетный планшет с фантастически сложной техникой, скрывающейся за простотой его использования, еще не последнее слово в непрестанном стремлении человека к совершенству средств связи? Чего еще можно желать? Взять хотя бы его, Флойда: далеко в космосе, уносясь от Земли со скоростью в многие тысячи километров в час, он может нажать одну-две кнопки – и через несколько миллисекунд прочитать заголовки какой угодно газеты. Кстати, в эту эру электроники и самое слово «газета», конечно, стало анахронизмом. Текст ежечасно автоматически обновлялся. Даже если читать одни лишь газеты на английском языке, можно всю жизнь только и делать, что поглощать этот вечно обновляющийся поток информации, поступающий со спутников связи.

Трудно было представить себе систему более совершенную и удобную. И все же, наверно, рано или поздно газетный планшет изживет себя и будет вытеснен чем-нибудь столь же невообразимым, насколько сам планшет был бы невообразим для Кекстона³ или Гутенберга.

И еще одна мысль часто приходила на ум Флойду, когда перед ним на экране разворачивались эти крохотные электронные строчки. Чем совершеннее техника передачи информации, тем более заурядным, пошлым, серым становится ее содержание. Несчастные случаи, преступления, катастрофы и стихийные бедствия, угроза вооруженных конфликтов, мрачные прогнозы редакционных статей – вот что несли в себе миллионы слов, которые ежеминутно извергались в эфир. Впрочем, Флойд подумывал, что это, быть может, еще полбеды: он уже давно пришел к убеждению, что газеты в идеальной Утопии были бы нестерпимо скучны.

Время от времени в салон заглядывали капитан и другие члены экипажа, чтобы переброситься с ним несколькими словами. Они относились к своему высокопоставленному пассажиру с благоговейным уважением и, несомненно, сгорали от любопытства относительно цели его поездки. Впрочем, они были слишком хорошо воспитаны, а потому ни о чем не спрашивали и ничем не выдавали своей заинтересованности.

Одна только очаровательная малютка-стюардесса вела себя в его присутствии совершенно непринужденно. Флойд скоро узнал, что эта девушка родом с Бали; она принесла с собой в заатмосферные выси изящество и таинственность облика, присущие жителям этого еще почти не испорченного европейской цивилизацией острова. Едва ли не самым странным и чарующим воспоминанием об этом полете остались несколько движений из древнего балийского танца, которые проделала невесомая стюардесса на фоне зелено-голубого полумесяца Земли, глядевшего в иллюминаторы корабля.

³ Первый английский книгопечатник (1424–1491).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.